

О НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ЛИТУАНИЗМАХ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

О литуанизмах в белорусском языке в самое последнее время было опубликовано несколько интересных и ценных работ. Здесь в первую очередь следует отметить статью В. Урбутиса „Литуанизмы в современном белорусском языке“¹, в которой представлен богатый фактический материал и дан обзор работ, касающихся балтизмов в белорусском языке. Почти одновременно со статьей В. Урбутиса были опубликованы исследования А. П. Непокупного и Э. Смулковой², в которых приводится ряд новых, до сих пор не отмеченных литуанизмов. Наконец, в связи с работой по подготовке этимологического словаря белорусского языка, в Минске в октябре 1969 г. состоялся симпозиум, посвященный анализу балтийских заимствований в белорусском языке³. В материалах симпозиума содержится значительное количество новых балтизмов, в основном — из районов, пограничных с Литовской и Латвийской ССР. По приблизительным моим подсчетам, число балтизмов в современном белорусском языке и его диалектах составляет около 300 слов (не считая слов, засвидетельствованных в памятниках письменности старобелорусского языка, но отсутствующих в современном языке). Эта цифра является весьма относительной, так как диалекты белорусского языка еще недостаточно изучены, и каждая диалектологическая экспедиция представляет все новые и новые материалы, требующие изучения с точки зрения возможных лексических заимствований из балтийских языков⁴. Кроме того, недостаточно хорошо обследованы имею-

¹ Baltistica, I (1969) (1), 43—68; (2), 149—162.

² А. П. Непокупний, До балто-східнослов'янських мовно-етнографічних та етнічних взаємин (Три етюди з географії балтизмів), — Мовознавство, 1969, III, 16—28; E. Smułkowa, Lituanizmy w białoruskim słownictwie rolniczym, — LP XIV (1969), 55—69.

³ См.: Лексічныя балтызмы ў беларускай мове (Матэрыялы для абмеркавання), Мінск, 1969.

⁴ Так, например, в говоре деревни Видзы Браславского р-на Витебской области были зафиксированы балтизмы: *гердўк* „зоб у курицы“, *кімсы* „болото“, *кўпра* „спина“, *рембеч* „батог, палка“, *унга* „дырка“, *юргіня* „георгин“, *яўра* „земля, где ничего не растет“ и др. Соответствующие слова употребляются в той же местности и польским населением. (Сообщено сотрудником Института языкознания АН БССР В. М. Чекманом).

щиеся словари белорусских диалектов, содержащие значительное число балтизмов. В диалектных словарях М. Касперовича, М. В. Шатерника, Г. Ф. Юрчанки и др.⁵ нам удалось обнаружить слова, которые могут быть отнесены к литуанизмам, но которые, насколько нам известно, не упоминаются в работах, посвященных изучению балтизмов в белорусском языке.

БРА́ЗГАЦЬ „производить шум ударами металлических или глиняных предметов“, перен.: „болтать вздор“, Могил. (Мат.); *бра́з(г)каць*, *бра́знуць* „стучать, греметь чем-либо“, *дабра́зкаца* „стучать, греметь, брякать до тех пор, пока не обратят внимание“, Черв. (Шат.). Слова на славянской почве не этимологизируются. Скорее всего, они заимствовались из литовского языка, ср. *brazgėti* „трещать, производить треск, брякать“. Литовское слово, в отличие от белорусского, не является изолированным, ср. с иным суффиксом: *brazdėti* „стучать, грохотать“, с иной огласовкой корня: *bruzgėti* „шуметь, шелестеть, звучать“ и др.; см. также Е. Fraenkel LEW 35, статья *barškėti*.

ВЯРКАЦЬ „визжать и плакать“, Черв. (Шат.). Данное слово засвидетельствовано и в диалектах русского языка: пск. *вя́ркать* „блеять, кричать“, арх. *вя́рка* (*вя́ркать*) „ворчит“, *вяркѹн*, *вяркѹша* „ворчливый“. Однако славянской этимологии приведенные слова не имеют. Можно предположить заимствование из балтийских языков, ср. лит. *vérkauti* „кричать (о сове), поплакивать“ (к *veĩkti* „плакать“), лтш. *verkstēt* „тихо плакать“ и т. д. Возможность заимствования подтверждается как известными фактами фонетической субституции (лит. -e- передается через -я- в белорусском и русском языке), так и ареалом рассматриваемых славянских слов.

ДЫ́РДЗІЦА „вытягивать ноги перед смертью“, *здырдзіца* „околеть, издохнуть“, Вит. (Касп.), ср. смол. *ды́рдиться* „вытягивать ноги перед смертью“, польск. (на территории Литвы) *dyrdzić się* „подыхать, умирать“. Этимологию на славянской почве обосновать трудно. Ареал данных слов указывает на возможность заимствования из литовского языка. Основой заимствования могло послужить слово *dirdintis* „подыхать, дойти до конца (жизни)“, к *dirti* „лупить, драть, снимать (кожу, шкуру)“, ср. *dirdinti* „заставлять сдирать шкуру с убитой скотины“. Эти слова генетически связаны с глаголом *darýti* „делать“. Появление в славянских словах -*im*- вместо литовского -*int*- легко объяснимо. В литовских диалектах, а иногда и в литературном языке глаголы на -*inti* часто имеют параллельные формы на -*yti* (напр., *mokin-*

⁵ М. Каспяровіч, Віцебскі краёвы слоўнік (Матэр'ялы), Віцебск, 1922 (сокр.: Касп.); М. В. Шатэрнік, Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны, Менск, 1929 (сокр.: Шат.); Г. Ф. Юрчанка, Дыялектны слоўнік (з гаворак Месціслаўшчыны), Мінск, 1966 (сокр.: Юрч.); Ф. Янкоўскі, Дыялектны слоўнік, I—II, Мінск, 1959—1969 (сокр.: Янк.); Матэрыялы для слоўніка народна-дыялектнай мовы, Мінск, 1960 (сокр.: Мат.).

ti – *mókyti* „учить“ и т. п., см. P. Skardžius, *Lie. ž. d.*, 545–547). Источником заимствования в славянские языки могла послужить диалектная форма на *-yti(s)*: *dirdytis*.

ДЭНГА, ДЭНКА, димин. *дэначка* „дощечка, кусочек фанеры, на которой обычно режут, крошат что-нибудь или которой накрывают посуду“, Могил. (Мат.); *дзёнца* „небольшая деревянная крышка для посуды“, Мстисл. (Юрч.). Перечисленная группа слов на славянской почве не этимологизируется. Ареал блр. *дэнга* и др. позволяет предполагать заимствование из лит. *dengà, dangà* „покрывало, покров, покрывка“, ср. *dañgtis* „крышка, покрывка“, к *deñgti* „крыть, покрывать“.

ЖВЯЛЁЦЬ „становиться живее, оживляться“, *жвѣла* „живо, резво, проворно, шустро“, *жвялѣй* „живее“, *жвялѣйший* „живейший“, *жвѣласць* „живость, резвость, проворство“, Мстисл. (Юрч.). Приведенные белорусские слова, скорее всего, образованы на основе заимствования из лит. *žvalėti* „становиться бодрым, ободряться“, *žvalūs* „резвый, живой, бодрый“ и др.

ЖЫГУН „непоседливый, вечно беспокойный человек“, Минск. (Мат.). В языке поляков, проживавших на территории Литвы, были зафиксированы следующие слова: *żuga, żega* „проворный, нетерпеливый человек“, *żugać, żgać* „резво, прытко бежать“ (J. Karłowicz, *SGP VI*). Ареал приведенных слов позволяет предполагать, что блр. *жыгун* (также как и соответствующие польские слова) был заимствован из лит. *žygūnas* „вестовой, ходок“, ср. *žygis* „поход; подвиг“, *žygiuoti* „двигаться, шагать, маршировать“, *žėngti* „шагать, ступать, продвигаться“, *žiņgnis* „шаг“ и т. д.

КАЎКАЦЬ „мяукать; подавать голос (о человеке)“; *каўканне* „мяукание“, Мстисл. (Юрч.). Эти слова относятся к звукоподражательным словам, исконность или заимствованный характер которых порой весьма трудно установить. Однако изолированность данных белорусских слов как по отношению к другим славянским языкам, так и в самом белорусском языке позволяет думать об их иноязычном происхождении. Много образований с основой *kauk-* мы имеем в балтийских языках: лит. *kaũkti* „кричать страшным голосом; выть; плакать“, *kaũksmas* „вой, плач“, лтш. *kāukt* „выть, кричать“ и мн. др. Исконно славянские слова, родственные приведенным балтийским словам, имеют основу *кук-* (ст. слав. коук-), а не **каук-*.

КЕЎЛЯЦЬ, Глуск. (Янк.). Приводится без значения в следующем контексте: „Ледзь жыць, ледзь дыхаць, без здароўя, вельмі нядужаць. Толькі што *кеўляюць*.“ Слово изолированное, не имеющее ясной этимологии. Напрашивается сравнение с лит. *kiáulioti* „свинячить, загрязнять, гадить; ругать“, *kiáuliotis* „поступать по-свински; скитаться, шататься“, производных от су-

ществительного *kiaũlė* „свинья“. Узкий ареал, специфический для заимствований из балтийских языков, позволяет думать, что блр. *кеўляць* было заимствовано из литовского языка.

ПАСЕ́І „шелуха от просеивания муки“, Черв. (Шат.). Соответствующее слово засвидетельствовано и в языке поляков, проживавших на территории Литвы: *posieje* „отруби; высевка от круп, муки“ (J. Karłowicz, SGP IV). Словообразовательная модель этих слов более характерна для балтийских языков, чем для славянских (ср. лит. *kũlti* „молоть“ — *pãkulos* → блр. *пакулле*, русск. *пакля*, польск. *pakuly*; *beĩti* „сыпать“ — *pãbiros* „падалица зерна; высыпка, рассыпка“ и мн. др.). Ареал славянских слов тоже позволяет думать об их балтийском происхождении. Основой заимствования могло послужить литовское слово *pãsijos* (мн. ч.) „подсевки, высевки, отруби“, образованное от глагола *sėti* „сеять“ по той же модели, что и выше приведенные литовские слова.

СУ́БАР, СУ́БЫРЬ „отходы зерна“, Мстисл. (Юрч.). В других славянских языках родственные слова отсутствуют. Связь с словен. *bęrsati se* „плесневеть“ маловероятна ввиду значительных расхождений в семантике. Ареал белорусских слов позволяет обратиться к данным балтийских языков. В качестве исходного можно выделить лит. *beĩti* „сыпать, рассыпать, высыпать; веять (хлеб)“, *barstýti* „сыпать, расточать“. Значение „веять хлеб“, по всей вероятности, стало исходным для образования лит. *pãbiros* „падалица зерна“, ср. лтш. *niõbaras* „отходы, остатки (зерна)“, *sabãrstas* „смесь из отходов зерен разных сортов“, *sabiras* „остатки“ и т. д. Особенности лтш. *sabiras* позволяют думать, что основой для заимствования могло послужить лит. диалектн. **subiros*. К этой же семье слов относится и лит. *bẽralas* „непровеянные зерна“, которое было заимствовано в польский и старобелорусский язык (*berlo*, *b(i)ereło* и т. д., Е. Fraenkel, LEW 40). Этот факт еще раз подтверждает возможность заимствования блр. *сўбар*, *сўбырь* из литовского (или латышского) языка.

ЧАЎПЦІ „говорить много разного выдуманного о человеке; болтать вздор“, Гродн. (Мат.); „плести что-то, говорить“; *чайпня* „болтун“, Могил (Янк.). В белорусском языке слова *чайпци* и *чайпня* не имеют никаких этимологических связей. Своеобразная фонетика этих слов (сочетание *-айп-* не характерно для белорусского языка) позволяет думать об их иноязычном происхождении. Источником заимствования, как можно судить по ареалу, могло явиться литовское слово *čiaũpti* „закрывать рот; стискивать, сжимать (губы); болтать“, ср. *čiaurýti* „искривлять рот, складывая, сжимая губы“, *čiorčioti* „чавкать“ и т. д. В семантическом плане исходным для заимствованного блр.

чайнци явилось значение „болтать“ литовского глагола *čīaipti*. Слово *чайня* – собственно белорусское образование, возникшее на базе заимствованного глагола *чайнци*.

(ВЫ)ЮДЗГАЦЬ „запачкать, вымарать“, Вит. (Мат.). Еще Я. Розвадовский писал о балтийском происхождении польского диалектного (Любельск.) слова *zajudzić się* „запачкаться“, считая его заимствованием из лит. *júodinti* „чернить, загрязнять“, к *júodas* „черный“⁶. Белорусское слово фонетически отличается как от лит. *júodinti*, так и от польск. *zajudzić się*, однако семантика и ареал блр. *выюдзгаць* позволяет считать это слово литуанизмом.

В диалектных словарях, конечно, отражены не все литуанизмы, наличествующие даже в исследуемом говоре. Поэтому целесообразно обследовать и другие источники, в первую очередь, этнографические работы. В словарице Г. Турской, составленном на основании некоторых этнографических работ М. Федеровского⁷, приводится несколько белорусских слов с указанием на их литовское происхождение. Некоторые из этих литуанизмов не отмечены ни в одном словаре, например: *gieraz* „хорошо“ < лит. *gėras* „хороший“, *(piere)kaulać* „уговаривать, упрашивать, назойливо просить“ < лит. *kaũlyti* „назойливо выпрашивать“. Однако в работах М. Федеровского можно обнаружить и больше балтизмов. В том же словарице приведены следующие слова, которые могут быть отнесены к литуанизмам:

BRASZCZAĆ, (ZA)BRASZCZAĆ „брякать, бренчать, трещать“. По-видимому, заимствовано из лит. *braškėti* „трещать“ (с палатализацией *k*: *-šk-* в белорусском языке закономерно дало *-щ-*).

(NA)WAŻAĆ(I) „навещать, посещать“, *(su)wążaci* (?). Ср. польск. диалектн. *ważyniać (się)*, *wazyniać (się)* „повозиться“, заимствованные из лит. *važinėti(s)* „поездить, повозить(ся)“⁸, а также *(przy)wążać* „привозить“, которое, как и приведенные белорусские слова, заимствовано из лит. *vežióti* „возить“, ср. еще *vėžti* „везти“.

OSIŁKI „изогнутая ручка у ведра“. Это слово, как и польское диалектн. *ośilka/uśilka* „полукругом изогнутая ручка у ведра, дужка“, заимствовано из лит. *qsėlė* „петлица, ушко“, димин. к *qsà* „ушко (у посуды), петля“⁹.

⁶ J. Rozwadowski, O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich, – RSI V (1912) 20.

⁷ H. Turska, Słownik trudniejszych wyrazów białoruskich w tomie V i VI Ludu białoruskiego M. Federowskiego. – В сб.: M. Federowski, Lud białoruski. Tom II. Suplement do tomu V i VI, Warszawa, 1969, 233–256.

⁸ J. Otrębski, Lituanizmy słownikowe v dialekcie polskim na Wileńszczyźnie, – Język polski, XVI, 1931, 84.

⁹ О происхождении польских слов см. T. Zdancewicz, Litewskie elementy słownikowe w gwarach polskich okolic Sejn, – LP VIII (1960) 345.

Литуанизмом можно считать и выражение *z kourót*, встречающееся у М. Федеровского¹⁰. Оно дается в следующем контексте: „*Na nasiene trieba mierysi z kourót* (v. *z wierchom*), *to i budzie raści z kourót*“ (Слонимск.). Значение и употребление данного белорусского выражения совпадает с лит. *sù kaupù* „с верхом насыпанный, с лихвой, сверх меры“, к *kai̯pas* „куча, бурт (овощей); накопление“, *kai̯pti* „окучивать (овощи), накапливать“. Как видим, этимологизируется данное выражение только на балтийской почве. Вероятнее всего, из литовского языка в белорусский была заимствована целиком вся предложная конструкция, подвергшаяся славянизации (лит. *su* → блр. *z*, лит. *-u* → блр. *-om*).

Приведенные белорусские литуанизмы ни в коем случае нельзя рассматривать как исчерпывающее дополнение к тем литуанизмам, которые уже отмечены в работах на эту тему. Не только памятники старобелорусской письменности, детально исследованные К. Яблонским¹¹, не только материалы диалектологических экспедиций, но и опубликованные языковедческие, этнографические и исторические труды, а также диалектные словари белорусского языка содержат немало материала, который должен быть тщательно исследован в плане выявления балтийских заимствований в белорусском языке. Примеры, рассмотренные в настоящей статье, свидетельствуют, как нам кажется, о том, что не только систематизация и анализ, но даже выявление белорусских литуанизмов, которые содержатся в уже опубликованных работах, до сих пор не может считаться окончательно завершенным.

---

¹⁰ М. Federowski, *Lud białoruski*, III, 363.

¹¹ К. Jablonskis, *Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos rašinių kalboje*, I, Kaunas, 1941.